

№ 221—222
ВОЛНЕНИЕ НА БУМАГОКРАСИЛЬНОЙ
ФАБРИКЕ РАБИНЕКА
В МОСКОВСКОЙ ГУБ.
(1849 г.)

☆

№ 221
1849 г., НОЯБРЯ 7.
РАПОРТ ЧИНОВНИКА ОСОБЫХ ПОРУЧЕНИЙ
В. П. КОБЫЛИНСКОГО МОСКОВСКОМУ ГУБЕРНАТОРУ
И. В. КАПНИСТУ О РАССЛЕДОВАНИИ ОБСТОЯТЕЛЬСТВ ВОЛНЕНИЯ
РАБОЧИХ НА ФАБРИКЕ РАБИНЕКА,
ВЫЗВАННОГО УДЕРЖАНИЕМ С НИХ ДЕНЕГ
ЗА ПРОПАВШУЮ ПРЯЖУ

Вследствие предписания от 28 прошедшего октября за № 20183¹, чтоб я отправился с полковником Тимашевым-Берингом на красильное заведение московского купца Рабинека для произведения общего следствия о пропаже прядильной крашеной бумаги и взыскивать за оную с рабочих людей без разбора по 2 рубля серебром штрафа с согласия г. станowego пристава. К жалобе сей рабочие присовокупили, что Рабинек вопреки условиям в праздничные дни заставляет работать и за то, что они не работали в день праздника казанские божие матери вычел с них по 2 рубля ассигн. с человека.

Отправлялся я в обще с приглашенными стряпчим и депутатами и г. полковником Берингом на место заведения Рабинека и по отобрании показаний, в которых объяснили каждый порознь.

[Показания] крестьянин[а] г-на Бреверна Яков[а] Ефимов[а].
Проживает на фабрике 8 лет, имеет годовой паспорт:

---

¹ То же дело, л. 4.

25 числа октября в послеобеденное время прибыл на фабрику г. пристав 2-го стана, и в то время пришел в мастерскую рабочих, крестьянин г. Глебова, Степан Алексеев, и сказал крестьянам Абраму Тихонову, Платону Трофимову, Дмитрию Иванову, Афанасию Федотову, Федору Иванову, занимающим, как и я, должности приставов при работе, и Степану Никитину, чтобы мы шли в контору, куда мы все семь человек и пришли, и становой пристав объявил нам, что из сушилки пропала бумага, а сын хозяина Иван Францевич сказал, что за пропавшую бумагу будет вычтено со всех рабочих. Но по скольку с каждого, того не говорил, почему мы все семь человек пришли к рабочим и объявили о том, что хозяин хочет вычитать за бумагу со всей артели. Тогда все рабочие собрались и пошли в контору, говоря, что пойдут к хозяину просить милости, чтобы с них за бумагу не взыскивать, и когда вышел к артели г. становой пристав, то впереди артели стояли крестьяне: Ефим Степанов, Козьма Ефимов, Федор Матвеев, Григорий Григорьев и Василий Антипов, которые и объявили, что если будет вычитаемо с артели за бумагу, то никто из рабочих работать не будет; когда же становой пристав означенных пять человек отделил от артели, то они закричали всей артели, чтобы не ходили на работу и шли в кухню, но артель сначала было пошла на работу, а потом, когда опять закричали вышеписанные пять человек, чтобы не ходили на работу, то артель и пошла вся на кухню, после чего мастер Кархтнер, придя к рабочим, просил окончить некоторые недоделанные работы, каковые они и докончили, а окончив, пошли опять к конторе и стали просить станового пристава, чтобы за бумагу с них взыскания не полагать. Причем вышепрописанные пять человек говорили становому приставу и хозяину, чтобы дали расписку, что взыскивать за бумагу ни с кого не будут, а иначе на другой день все пойдут в Москву, но как расписки нам не дали, то артель и пошла по кухням. Придя в кухню, я с прочими рабочими поужинал, и после ужина пришел к нему в кухню из другой крестьянин Ефим Степанов и сказал, чтоб мы все шли в ту кухню прикладываться к образу в том, чтобы итти всем на другой день в Москву, а на работу не ходить, друг за друга стоять и в том пред образом побожиться. Почему все и пошли в ту кухню, куда придя, увидели на столе образ и стали к одной стороне и начали божиться и прикладываться к образу, но первым приложился Ефим и прочие, и я за Иваном Максимовым и Дмитрием Борисовым.

Вставши же утром 26 числа, вся артель подошла к дому хозяина, и пять человек вышеозначенных сказали артельщику Антону Егорову, чтобы доложить хозяину, что вся артель идет в Москву жаловаться, чтобы отперли ворота, но артельщик,

выйдя сказал, что хозяин ворот отпирать не приказывает и что если артель хочет итти, то пусть лезут хоть чрез забор, что услыша крестьянин Василий Антипов первый полез через забор, и за ним и вся артель и пошли все в село Большие Мытищи, где нас останавливали два казака и человек восемь крестьян, но их не послушались; но ударил ли в это время какого-либо казака, я не видал, но другие крестьяне показали, что крестьянин Василий Антипов ударил казака по лицу кулаком и разбил ему лицо до крови, что он, Антипов, был с вышепоименованными пятью впереди, за то ударил, что казак останавливал его итти вперед, а я с некоторыми крестьянами шел в отдалении позади. Придя же в Малые Мытищи, встретился с нами еще казак, который, остановясь, подал какую-то бумагу, которую прочел крестьянин села Больших Мытищ Василий, по отчеству не знаю; прочтя бумагу, он сказал: «Ступайте, ребята, дальше». Пройдя Малые Мытищи, передовые своротили с большой дороги и пошли лесом, в коем никто нас не останавливал; подходя к Москве, обогнал нас писарь станowego пристава верхом, и во все время нашего пути к Москве мы станowego пристава и никого другого не видали, а когда вошли в Москву, то на Разгуляе нагнал нас становой пристав с каким-то офицером, двумя или тремя казаками и хотел взять крестьянина Василия Антипова, но взять его остальные четыре товарища и еще какие-то из рабочих не дали, но чтобы кто в то время делал какие грубости становому и бывшему с ним офицеру я не слыхал. С Разгуляя же пошел я с крестьянами госпожи моей к господскому дому, где по докладу приказано было нам явиться на другой день. Придя же на другой день и объяснив причину прихода нашего, мы получили приказание итти обратно на фабрику с письмом к хозяину, почему и отправились на фабрику. Да отправляясь с фабрики в Москву, я без дозволения господина Глебова итти жаловаться к его сиятельству г. московскому военному губернатору намерения не имел, а хотел просить на то дозволения у господина, а как нам того не дозволили, то мы у графа и не были. В праздничные дни хозяин работать нас не заставляет (что и все рабочие подтвердили), а изо всей артели остаются в мастерских с 10 человек по одному дневальными, которые производят необходимые разные работы, каковой порядок существует до поступления моего на фабрику и в продолжении 8-летнего моего пребывания существует. За то, что мы не работали в день праздника казанские божие матери, бывший 8 числа прошедшего июля, точно хозяин вычел с нас штрафа по 2 руб. ассигн., а с других, малолетних, — по одному рублю ассигн. с человека, но штраф этот, я почитаю, наложен правильно, потому что в прежние годы в этот праздник работали, да и в табели по правилам оный не

положен, что подтвердили и прочие рабочие. В сушилке, откуда пропала бумага, работают попеременно все рабочие в разное время, но при найме на фабрику нам не объявлял хозяин, что в случае пропажи из сушилки или откуда-либо бумаги со всей артели будет за бумагу взыскивать (что в данных книжках напечатано у рабочих, если что пропадет, то должны все отвечать за пропажу, ибо друг за другом смотреть и вора не скрывать, а представлять). А до 24 числа октября в прежнее время случалась покража бумаги на фабрике, но хозяин с нас за то ничего не вычитал (пропажа происходила малая). За пропавшую в последний раз бумагу хотя и объявили с нас вычет, но в расчетные книжки вычета не записывали; в похищении бумаги из сушильни я не виновен и кем то сделано не знаю и подозрения в том ни на кого не имею (бумаги же пропало 5 пудов и 3 фунт. из трех мест); но стороннему лицу кражи той сделать невозможно, потому что у сушильни по ночам находится сторож и двери бывают заперты. На хозяина моего я никаких претензий не имею, притеснений от него ни при расчетах в получении денег, и ни в чем другом не имел, продовольствие в пищу получаем хорошее и жаловаться на хозяина ни в чем не имею (что подтвердили и все на фабрике рабочие 150 человек и ни один не жаловался на хозяина Рабинека); побудило меня итти жаловаться на хозяина единственно то, что в прежнее время, как выше объяснено, за случившиеся пропажи бумаги вычетов с нас не бывало, а в это время хотели сделать вычет, то это распоряжение и было стеснительно. Ослушался я станového пристава и не стал дожидаться исправника потому, что этого не хотели говорившие с становым приставом сказанные выше мной пять человек, на что согласились и все рабочие¹.

С фабрики пошли рабочие 130 человек и были у генерал-губернатора только 72, а остальные были у своих помещиков, которым запрещено было просить графа, а чтоб все возвратились на фабрику Рабинека, то они и отправились туда.

Пять начинщиков рабочих присланы в Москву и содержатся по частям, от которых будем отбирать показания отдельно для того, что они многим крестьянам рабочим делали внущения, чтоб говорили, что действовали всем обществом и их не выдавать. Как их с фабрики удалили, то все и объяснили подробно, и что после сего откроется, то буду иметь честь донести вашему превосходительству [в] продолжение сего рапорта.

Чиновник особых поручений В. *Кобылинский*.

¹ Конец показаний крестьянина Якова Ефимова.

отыскано и рабочие в том не подозреваются, предоставив ему распустить с своей фабрики тех рабочих, которые ему не нужны.

Уведомляя о сем ваше превосходительство, я прошу вас сделать распоряжение, чтобы полковнику Берингу при наказании рабочих было оказано со стороны земской полиции всякое законное содействие.

При сем прошу вас поставить на вид московскому земскому исправнику вялые и неосмотрительные действия его в сем деле, что доказывается в особенности неприбытием его на фабрику по извещении становой пристава о происходящих на оной беспорядках.

Московский военный генерал-губернатор
генерал-адъютант граф *Закревский*.